

Актуальные аспекты эсхатологии Сергея Аверинцева

1

Эсхатология и Энциклопедия

Энциклопедическая статья «Эсхатология» за подписью *С. Аверинцев*¹ была опубликована в последнем, пятом томе обширной «Философской энциклопедии» в 1970 году в Москве и сразу стала событием — она не только с академической добросовестностью описывала свой предмет («учение о конечных судьбах мира и человека»), но и стала выразительным знаком конца целой эпохи «коммунистической философии истории». Строгость логической структуры «Эсхатологии», которой требовала энциклопедическая форма этой статьи, как бы служила впечатляющим монументальным фоном для суда над советским режимом и приговора его смертным вождям: *«Следует различать индивидуальную эсхатологию, т.е. учение о загробной жизни единичной человеческой души и всемирную эсхатологию, т.е. учение о цели космоса и истории, об исчерпании ими своего смысла, об их конце и о том, что за этим концом последует»*².

Повелительная интонация глагола *«следует»* подчёркивает властность глагола *«различать»* при обращении к тем весам, на которых взвешивается жизнь и смерть человека, цель и конец истории.

¹ Краткие сведения о себе С.С.Аверинцев резюмировал в curriculum vitae написанном на английском языке: «Serquei S. Averintsev was born on 10.12. 1937 in Moscow, graduated from the Philological Faculty of Moscow Lomonosov University in 1961 and obtained a higher degree from the Department of Classical Philology in 1968. 1969-1971 delivered at the Historical Faculty of Moscow University lectures on relevance of Patristic philosophy for understanding of the Byzantine Art; the lectures where stopped by an intervention of the Communist authorities as a "religious propaganda". Worked in the Institute of World Literature of the Academy of Sciences, Moscow, at the Department of Greek and Roman Literature (1981-1992 Head of the Department). Since 1992 Professor of Moscow Lomonosov University; since 1994 Professor for Russian Literature of Vienna University. A Doctor h. c of Ecclesiastical Studies (the honorary degree being granted 1992 by the Pontifical Oriental Institute, Rome); a Member of the Académie Europaea, London, of the Universal Academy of Cultures, Paris, and of the Pontifical Academy of Social Sciences, Rome. Honorary Doctorates also of the Mohyla Academy, Kiev, Ukraine; of the Sofia University, Bulgaria; of the European University of Minsk, Belarus. The State Prize of Russia for scholarly research 1991 and 1996; the "Triumph"-Prize for literature 1992; the Leopold-Lukas-Prize for the "efforts towards national and religious reconciliation" 1995. 1989 A. was elected to be an MP ("a People's Delegate") and joined the group close to Andrei Sakharov. Later he was a member of Serguei Kovalyov's Humans Rights Committee, dissolved 1996. Wife and children: Natalia Averintseva; Maria (b. 1976), Ivan (b. 1979)». Скончался С.С.Аверинцев 2/02.2004

² С.С. Аверинцев, *Эсхатология*// *Философская Энциклопедия*, т. 5, М., Советская Энциклопедия, 1970 г., с. 580; перепечатано в кн. *«София-Логос. Словарь»*, К., Дух и литера, 2001, с. 213.

Сегодня трудно представить, чему была подобна сила этого «эсхатологического слова», прозвучавшего посреди столицы атеистической империи, в её подцензурно безмолвном, пустом небе, — удару колокола. На языке той эпохи, это называлось скандалом, который достиг идеологической комиссии ЦК КПСС.

Скандалный резонанс в СССР и на Западе был обеспечен последнему тому «Философской энциклопедии» тем, что наряду со статьей «Эсхатология» в нём были опубликованы такие абсолютно не марксистские статьи как «София», «Спасение», «Судьба», «Теизм», «Теодицея», «Теология», «Теология диалектическая», «Тертуллиан», «Тюбингенская школа», «Философская антропология», «Фома Аквинский», «Фома Кемпийский», «Франциск Ассизский», «Хилиазм», «Христианство» (совм. С Ю. Левадой), «Циглер Л.», «Чудо», «Шефлер», «Шпенглер О.», «Эбиониты», «Юнг, К.Г.», (совместно с Д. Ляликовым), «Язычество», «Янсенизм», «Ясперс, К.», «Бубер, М.», «Максим Исповедник» (все написанные Аверинцевым). Французские коммунисты были возмущены «некритическим отношением г-на Аверницева к теологическому материалу». Рецензия мюнхенского иезуита Петера Элена (Peter Ehlen) была переведена с английского на русский и, увы, приобщена к доносам в ЦК КПСС.

Конфликт интерпретаций этих рискованных текстов читателями на Западе и на Востоке отразил сдвиги в типах мышления эпохи холодной войны. Не без юмора Аверинцев вспомнит в 1980 году рецензию о. Петера Элена: «Зачем человеку в Мюнхене читать советскую "Философскую Энциклопедию?" чтобы понять советскую политику, для чего же ещё! .., куда «они» там движутся... И вот достопочтенный рецензент пишет, что так, мол, и так, никто ничего не замечает, а между тем в установках советской власти наметился коренной поворот в отношении к религии и философскому идеализму, — и призывает обратить внимание на пятый том. Ну, я должен сознаться, мы долго не могли понять, как это он так всё заметил. И лишь значительно позже я понял, что он и не мог по-другому всё это увидеть»³.

Различие между официальным фасадом издательства «Советская Энциклопедия» и неофициальными, инакомыслящими авторами статей было до боли знакомо участникам этого «философского заговора», но вовсе не очевидно рецензентам из Германии или Франции. Западным обозревателям трудно было вообразить контекст, в котором для заполнения места, освободившегося в результате извержения из советской энциклопедии статьи о *Мао Цзедуне*, была срочно заказана статья о *Т. Манне* (тому же Аверинцеву и А.В. Михайлову). Шахматные ходы, которые велись для публикации в обход цензуры таких статей,

³ С. Аверинцев, «Словарь против лжи в алфавитном порядке»/А<София-Логос. Словарь» К., Дух и литера, 2001, с. 422.

как «Эсхатология» и «Христианство», подробно реконструирует Ю.Н. Попов, научный редактор пятого тома и виртуозный конспиратор»⁴.

Я привлекаю ваше внимание к нюансам этого контекста, поскольку он необходим для анализа двух интересующих нас здесь аспектов:

- 1) понимания основных идей и особых акцентов, которые определили эсхатологию Аверинцева;
- 2) осмысления краха коммунистического «зона» и его псевдоэсхатологии в споре с иудео-христианскими формами соотношения «смысла истории» с личной и всемирной «жизнью будущего века».

2

«Будущий век» — «*olam haba*»

Библейская эсхатология отнимает у коммунистической утопии её главную привилегию — исключительное право на «светлое будущее».

Притягательность секулярной псевдоэсхатологии для многих интеллектуалов Запада отразил известный девиз Сартра: «Марксизм — наш непревзойдённый горизонт». Утопические идеологии, описанные Эрнестом Блохом в книге «Принцип надежды», претендовали окончательно вытеснить традиционное библейское учение о священной истории устремлённой к будущему приходу Мессии. После 1968 года казалось, что Утопия с особым размахом укрепила свою власть над умами и над народами от Кубы до Восточной Европы. Но вот в Энциклопедии, изданной под редакцией Института философии Академии Наук СССР мы читаем: «Исторические катастрофы, постигающие иудейский народ (вавилонское пленение 568 до н. э., разрушение Иерусалима римлянами в 70, подавление восстания Бар-Кохбы и кровавые репрессии против иудаизма в 135), усиливают интерес к эсхатологии: руководимая Богом история должна трансцендировать себя самоё в приходе "нового неба и новой земли" (Ис. 65,17), в наступлении "*будущего века*" ('*olam haba*' — талмудический термин, вошедший в формулу христианского Символа Веры: "чаю... *жизни будущего века*"»)»⁵.

В дальнейших работах Аверинцев рельефно противопоставит две парадигмы представлений о мире: греческую модель «мир как *kosmos*» и библейское представление «мир как *olam*». С легкой руки Аверинцева для нескольких поколений интеллигенции в СССР древнееврейское понятие *olam* станет особым паролем солидарности. Исход из идеологического «Египта» совершался под освободительным знаком «будущего века» - остро актуальной, спасительной альтернативы хрущёвскому прогнозу «торжества коммунизма через двадцать лет». Ясное указание на реальную возможность такой альтернативы на рубеже 60-х и 70-х годов было отнюдь не тривиально. Горизонт самых сильных и

⁴ Ю.Н. Попов, «Статьи С.С. Аверинцева и судьба энциклопедии в России»//Личность и традиция», К., Дух и литера, 2005.

⁵ С.С. Аверинцев, Эсхатология II «София-Логос. Словарь», К., Дух и литера, 2001, с. 214 (курсив мой К.С.).

широких умов той поры был иным. Новый режим пришёл на века — это представлялось очевидной данностью, каким бы ни было чьё-то отношение к ней. Среди многих примеров ограничусь упоминанием одного из лучших, образцовых авторов той же «Философской энциклопедии». Аверинцев поясняет «мировоззренческий стиль» своего наставника в области классической философии А.Ф. Лосева забытым сегодня образом мыслей людей той поры: «И помимо всех личных страданий — чувство, что тоталитаризм пришёл на ближайшее тысячелетие, скажем так, как "тёмные века" пришли на смену античности. (Я хорошо помню этот образ мыслей по своему отцу, старому профессору биологии, который был старше Алексея Фёдоровича на 18 лет. Коммунистическая идеология была ему бесконечно чужда, но одному он верил, верил с тоской и отвращением: что она одолеет во всём мире.. .)»⁶.

Переориентация истории на библейскую эсхатологию бросала вызов секулярному мессианизму «авангарда человечества». Триумфальный монтаж исторического материализма утрачивал остатки декоративной убедительности и слой за слоем демонтировался. Кризис окончательно исчерпывавших себя идеологий требовал обращения к иной мыслительной парадигме. В последних строках статьи «Эсхатология» Аверинцев актуализирует традицию Владимира Соловьёва: «Одним из главных шансов современного христианства является истолкование эсхатологических «сроков». Диалог Владимира Соловьёва «Под пальмами. Три разговора...» (1899-1900), написанный накануне бурного 20 в., открыл длинный ряд подобных истолкований. Эсхатология как самотрансцендирование ускорившегося хода истории — одна из ведущих тем современной религиозно-мистической мысли»⁷.

Точность исторического диагноза — неожиданная суть этих строк, ускользающая от внимания сегодня. Они сигнализируют о глубоком повороте, который совершался в умах на протяжении последующих двух десятилетий. «К середине 70-х годов становится всё заметнее ширящаяся волна обращений в христианство в первую очередь в кругах столичной интеллигенции и за её пределами. Меняется отношение к религии общественного мнения, а значит, беззвучно, негласно меняется реальное отношение сил в обществе»⁸. То, что на пороге 70-х годов выражено философской формулой «самотрансцендирование истории», во второй половине 80-х миллионы людей на множестве языков будут называть «перестройкой». Подобный перевод понятий говорит сам за себя. Историкам ещё предстоит продумать посткоммунистическую версию того хода событий, который в ином контексте Шарль Пеги назвал «деградацией мистики в

⁶ С.С. Аверинцев, «Мировоззренческий стиль»: подступы к явлению Лосева//«София—Логос. Словарь», К., Дух и литера, 2001, с. 323.

⁷ С. Аверинцев, «Эсхатология»//«София-Логос. Словарь», К. Дух и литера, 2001, с. 217.

⁸ С. Аверинцев, «Христианство в XXвеке»//«София-Логос. Словарь», К. Дух и литера, 2001, с. 295.

политику». Ради постановки этой проблемы подчеркнём едва ли не забытую сегодня *симптоматическую* значимость текста «Эсхатология», он стал не только описанием, но также *знаком* описанной в нём реальности (вторжение «олама»).

3

Универсальная и индивидуальная эсхатология

Финал статьи «Эсхатология» Аверинцев изменит, когда столетие подойдёт к концу: в 2001 году эта изменённая версия опубликована в «Новой философской энциклопедии» (т. 4). Разграничим три порядка изменений.

1) Горизонт переменялся после исчезновения СССР; вместе с ним отдала Богу душу заживавшая чужой век «единственно верная философия истории» (истмат). Стирание культурных границ отошедшей в прошлое холодной войны повлияло на новую редакцию приведённого выше тезиса: «Эсхатология как «метаистория», т. е. самотрансцендирование ощутимо ускоряющегося хода истории, - одна из ведущих тем религиозной мысли XX в., претерпевающая не только всевозможные внерелигиозные переработки утопического или, напротив, „дистопического" и „алармистского" характера, но, особенно под конец века, и повседневную вульгаризацию в т. н. тоталитарных сектах, а также во вполне секулярных средствах массовой информации и наиболее тривиальных видах искусства: „апокалипсис" — сегодня избитая газетная метафора, а «Армагеддон» - нормальный мотив фильма ужасов»⁹. Волны банализации скрыли под собой тот знак сопротивления духу времени, который перечёркивал сценарий коммунистического сериала безапелляционным словом «конец».

2) Вопросы индивидуальной эсхатологии также подвергаются вульгаризации (ср. для XIX в. спиритизм, для XX в. бестселлеры о «жизни после смерти»). Рыночный словарь создаёт иллюзию возможности стереть грань, за которой «тот свет» - продолжение эмоционального комфорта «этого света». В изменившемся «глобальном контексте» Аверинцев завершает новую редакцию статьи «Эсхатология» на иной ноте: «Ситуация серьёзной эсхатологии, оказывающейся в угрожающем пространстве между агрессией и со стороны секуляризма, и со стороны сектантского духа, - проблема для сегодняшнего религиозного мыслителя, какова бы ни была его конфессиональная (или внеконфессиональная) принадлежность»¹⁰.

Перейдём на третий уровень.

3) Предельная насыщенность текста «Эсхатология» исключает однозначный ответ на поднятый вопрос. При сопоставлении с аналогичными статьями в западных энциклопедиях мы встречаем множество параллелей¹¹. Аверинцевский подход к трактовке и расположению материала отличает ряд специфических акцентов. Обычное разграничение индивидуальной и универсальной эсхатологии проведено без исключительного предпочтения той или другой формы, без статичного схематизма. Ключом к этому

⁹ «Эсхатология», Новая философская энциклопедия, т. 4, М. «Мысль», 2001.

¹⁰ Там же.

¹¹ Ср. «Eshatology» // www.newadvent.org

динамическому равновесию служат два принципа. Их формулировку мы находим в поздней редакции статьи, как результат «второй рефлексии» автора: «Индивидуальная эсхатология обычно более или менее существенно соотносена с универсальной, но *степень и модальность этого соотношения* в различных системах весьма различны; разнообразна и *степень внимания к эсхатологической проблематике в целом*, то оттесняемой на периферию и резервируемой для закрытых мистериальных сообществ как предметнаставления «посвященных», как в классическом греческом язычестве, то выходящей в самый центр предлагаемого всем вероучения, как в христианстве»¹².

4

«Праведность межличностного общения»

В становлении индивидуальной эсхатологии особая роль принадлежит древнему Египту, а в создании всемирной эсхатологии - древнему Израилю и затем иудаизму. В древнеегипетской мысли бесповоротное решение личной судьбы осмыслено как суд: «Человек должен принести отчёт за свою жизнь, а его сердце сравнивается на весах с Правдой»¹³. По иному пути идёт библейская мысль, сосредоточенная не на судьбах индивида, а на судьбах «народа Божия» и всего человечества.

Христианство приносит весть о том, что эсхатологическое свершение уже началось, поскольку Христос «победил мир» (Ин. 16:33), Мессия пришёл в «последние времена» (1 Пет. 1:20). Образ эсхатона удваивается: в первом пришествии история преодолена лишь незримо, сокрыто от неверующих до второго пришествия. В Аверинцевском комментарии 1970 года сказано: «Эсхатологическое свершение перемещается во внутренний мир человека ("Царство Божие внутри вас"), однако через доктрину о втором пришествии сохраняется и для внешнего мира»¹⁴. Оппозиция внешнего/внутреннего снята в поздней редакции текста.

Приведу цитату полностью, поскольку раскрытая здесь мысль, согласно Аверинцеву, имеет центральное эсхатологическое и антропологическое значение: «Только второму пришествию предстоит выявить сокровенную реальность первого, но оно должно наступить неожиданно, в сроки, о которых верующим воспрещаются догадки и домыслы, застигая людей в рутине их каждодневного поведения (побудительный импульс к тому, чтобы вносить строгость к себе именно в эту рутину). В силу этого императив эсхатологии заметно интериоризируется, как бы переносится в духовный мир человека и его религиозно мотивированные отношения с другими людьми ("Царство Божие внутри вас" — Лк. 17:21 - слова, которые в греческом оригинале и с учётом семитского лексического субстрата можно понять и *«между вами», в праведности вашего межличностного общения*).

«Праведность межличностного общения» как эсхатологический горизонт ведёт по ту сторону слишком схематической оппозиции индивид/мир. Откроем

¹² «Эсхатология», Новая философская энциклопедия, т. 4, М. «Мысль», 2001, (курсив К.С.).

¹³ С.С. Аверинцев, «Эсхатология», «София-Логос. Словарь», К. Дух и литера, 2001, с. 216.

¹⁴ Там же, с. 215.

Евангелие от Луки 17:21 в аверинцевском переводе: «Царство Божие *посреди вас*»¹⁵. Здесь мы находим ключ к аверинцевской интерпретации философии Владимира Соловьёва.

5

Правда и «эсхатон»

В свете сказанного мы можем яснее понять значение формулировки, вынесенной Аверинцевым в заглавие его программной статьи: «Онтология правды как смысловая пружина мысли Владимира Соловьёва». Здесь Аверинцев выделяет первоначальную интуицию всей философии Соловьёва, исходный принцип и лейтмотив его творчества. «Речь идёт о поразительно конкретном, предшествующем всякой абстракции переживании «правды» — того самого «добра», оправдание которого философ предпринял в своём капитальном труде. Если, по свидетельству современника, Соловьёв «был честный, пламенный неутомимый искатель правды на земле, и он верил, что она сойдёт на землю» (слова Л.М.Лопатина), то «искание» правды и её «схождение» на землю ни в коем случае нельзя понимать иносказательно. Правду можно искать, правда может сойти, потому что во внутреннем опыте Соловьёва она не идеал, не «ценность», а реальность»¹⁶.

Опыт этой реальности был затемнён в доминирующих идеологиях XVIII-XIX в.в.

Затемнение соответствующего опыта привело к «непереводимости» понятия правды (подробно эту проблему я описал в статье «Правда», опубликованной в книге «Словарь европейских философий: лексикон непереводимых понятий»¹⁷). Впрочем, о библейских корнях этого опыта, а также о проблематичности его для людей XX столетия замечательно говорит в книге «Размышление о псалмах» К.С.Льюис. Льюис отмечает в трагедии Расина аутентичное понимание «правды», восходящее к библейской поэтике «закона» в псалмах. Эта парадигма существенно отличается от мыслительных схем, возобладавших в эпоху Просвещения. «Идея правды — пишет Аверинцев, — идея добра вызывает у Соловьёва не просто любовь, но влюблённость. Влюбиться в Вечную Женственность - это ещё нам понятно; но влюбиться в правду! У людей более заурядных нравственный закон вызывает другие эмоции: с ним, с этим законом, неуютно, как со строгим, уважаемым, но не очень притягательным наставником. Ну, быть задетым, когда правду обижают, — для человека порядочного долг; но как видеть в правде источник упоения? Читателя удивляет, что в трагедии Расина древние израильтянки повторяют рефрен: «О, упоительный Закон» („O charmante Loi!"). Нам это кажется завитушкой во вкусе эпохи больших париков — но ведь это очень близко настроению ветхозаветных текстов, где закон назван «утешением

¹⁵ С. Аверинцев, «Переводы: Евангелия. Книга Иова. Псалмы», К. Дух и литера, 2004.

¹⁶ С. Аверинцев, «Онтология правды как внутренняя пружина мысли Владимира Соловьёва»// «София-Логос. Словарь», К. Дух и литера, 2001, с. 413.17 См. PRAVDA in: Vocabulaire Européen des Philosophies, Dictionnaire des intraduisibles, Paris, Seuil le Robert, 2004, p. 980-987.

¹⁷ См. PRAVDA in: Vocabulaire Européen des Philosophies, Dictionnaire des intraduisibles, Paris, Seuil le Robert, 2004, p. 980-987.

для человека», «веселием сердца», сладостью «лучше мёда» (ср. Псалом 118/119, ст. 16, 24, 50, 103, 111 и др.). Не долгом, а сладостью. Что бы там не говорил Кант»¹⁸.

Добавим, реальность эсхатологическая — в духе Лк. 17:21. Эрос правды по мысли Аверинцева запечатлен в стиле письма Соловьёва, для которого «мысль о правде — подлинное веселие сердца. Это всегда сказывается на стиле: каждый раз, когда философ возвращается к своему заветному делу «оправдания добра», к изъяснению нравственных перспектив, загорается его красноречие, движение фраз делается лёгким, окрылённым, словнотанцующим. В этом живом огне этического Эроса — обаяние всего написанного Соловьёвым, источник его силы»¹⁹.

Но и слабость, «удобопревратность» этой тенденции мысли, безоружной перед соблазном утопического максимализма, Аверинцев подвергает критическому разбору²⁰. Его дистанция по отношению к образу мыслей неоромантиков и символистов более всего проявляется в трезвости оценок и суждений, том особым этосе духовной трезвости, который греки описали категорией *persis*²¹.

Nepsis как неизменный корректив мысли звучит в словах, которыми Аверинцев предваряет цитирование последней книги Нового Завета: «И простой эстетический такт, и тем паче христианская духовная трезвость решительно возбраняют вместе с самочинными догадками о „временах и сроках" конца этого зона (1 Фес. 5,1), стилизацию событий под неадекватно-панически, патетически, литературно, морализаторски etc. — понятый Апокалипсис. С другой стороны, однако, всё, что церковный человек может помыслить и сказать о Церкви, само собою укладывается в матрицы парадигм, заданных именно Откровением св. Иоанна Богослова <...> Церковь, Невеста Агнца, есть явление эсхатологическое от самого своего начала, со дня Пятидесятницы <...> На литургическом языке Православия уже о временах земной жизни Христа говорится как о „последних". И ни одного здравомысленного верующего это не смущает, хотя по человеческому счёту с тех пор прошли два тысячелетия (и пройдёт ещё столько тысячелетий, или годов, или столько дней, сколько Богу будет угодно). Мы очень давно — эсхатон²². Эсхатологии противостоит не история, а псевдоэсхатологические подделки.

Для постсоветской истории Церкви и общества остро актуальным остаётся опыт преодоления *советской псевдоэсхатологии* в 70-е годы. Понятие

¹⁸ С. Аверинцев, «Онтология правды как внутренняя пружина мысли Владимира Соловьёва»// «София-Логос. Словарь», К. Дух и литера, 2001, с. 414.

¹⁹ Там же.

²⁰ Аверинцев упоминает псевдоэсхатологический казус Н.И. Бухарина, который признавался, что в молодости при ознакомлении с книгой Соловьёва «Три разговора» поспешил отождествить себя с выведенным там Антихристом.

²¹ См. Bishop Kallistos Ware, *The Inner Kingdom*. Епископ Каллист Уэр, *Внутреннее царство*, К., Дух и литера, 2004.

²² Аверинцев С. Мы и наши иерархи: вчера и сегодня //Аверинцев С. София-Логос. Словарь. - К.: Дух и литера, 2001. - С. 333. Ср. S Averintsev, *Ut unum sint: L'Unité face au Prince de ce monde* // *L'Unité, Prémices*, 1996. p. 13-27.

официальной Правды (название главного органа информации СССР) служило центральным концептом и мифологемой, ядром той псевдоэсхатологической идеологии. Отметим отсутствие статьи «Правда» в пятитомной «Философской энциклопедии», содержавшей аверинцевскую статью «Эсхатология». Такая альтернатива красноречиво говорит о многом.

Разумеется, проанализированный нами частный пример остаётся частным примером и мы воздержимся от необоснованных обобщений. Вся суть намеченной здесь перспективы сопротивляется поспешным генерализациям. Задача наша скромнее и проще: привлечь внимание к изучению конкретного опыта наших уходящих современников, к их труду различения между «эсхатоном» и его подделками, между «последними вещами» и их монументальными эрзацами. Актуальность практики такого различения сегодня трудно преувеличить.

Post scriptum:

Развитие эсхатологической проблематики содержится в последней книге С.С. Аверинцева «Связь времен» и других работах в публикуемом собрании сочинений Аверинцева. Библиография их есть на сайте: [http:// www.duh-i-litera.kiev.ua](http://www.duh-i-litera.kiev.ua)

Для тех зарубежных участников нашей конференции, которые мало знакомы с трудами Сергея Аверинцева, прилагаю его избранную библиографию переводов на западные языки.

1. «Ancient Greek "Literature" and Near Eastern "Writings": The Opposition and Encounter of Two Creative Principles », in : *Arion: A Journal of Humanities and the Classics*, Boston University, 3rd series, VII, 1999, vol. 2, p. 1-39; vol. 3, p. 1-26.

2. *Die Solidarität in dem verfemten Gott. Die Erfahrung der Sowjetjahre als Mahnung für die Gegenwart und die Zukunft*. Tübingen, J.C.B. Mohr (Paul Siebeck), 1996. (Lukas-Preis 1995). MitNachw. v. P. Stuhlmacher. 46 S.

3. *L'Anima e lo specchio: L'universo della poetica Bizantina*, II Mulino, Milano, 1988.

4. « Nations et religions », *Etudes*, Paris, janvier 1998, p. 25-28.

5. « Verbe de Dieu et parole humaine », in : *Face à la Création. La responsabilité de l'homme. Rencontre entre l'Est et l'Ouest*. Marne, ACCE, 1996, p. 75-86.

6. « *Ut unum sint* : L'Unité face au Prince de ce monde », in : *L'Unité. Prémices*, vol. 14, Fribourg (Suisse), 1996, p. 13-28.7. *Sophia. La Sapienza di Dio. Breve guida alla mostra*. Milano, 1999, 32 p.

8. « Notion de l'homme et tradition littéraire à Byzance », in : *Studi medievali*, Spoleto, 1977, a. 18, fase. 1, p. 1-39.

9. « Die Symbolik des frühen Mittelalters. Zu einem Problemkreis », in : *Studien zur Geschichte der westlichen Philosophie*, Frankfurt a. M., Suhrkamp, 1986, S. 72-104.)

10. « Rationalisme attique et rationalisme encyclopédique: Essai sur l'enchaînement des époques », in : *Diogene*, Paris, CXXX, 1985, p. 3-14.

11.« Témoins de la production intellectuelle de l'Antiquité et du Moyen Age: quelques considérations », in : *La naissance du texte. Archives européennes et production intellectuelle. Colloque international 21-23 Septembre 1987*, Paris, 1987, p. 213-215.

12.« Byzantium and Medieval Russia: Two Types of Spirituality», in : *Soviet Literature*, 1989, N° 5, p. 126-139. (English translation: The Law and Mercy. *Soviet Literature*, 1989, N° 7, p. 169-179.)

13.« Christentum und Macht in der russischen Tradition », *Lettre internationale*, Hft. 9, 1990, s. 54-58.

14.« I modelli confessionali della cultura cristiana nel pensiero del primo O. Mandelstam», *Annali di Ca' Foscari. Rivista della facoltà di lingue e letterature straniere dell' Università di Venezia*, XXXVI, 1-2, 1997, p. 163-173.

15.« El Aristotelismo Cristiano come forma de la Tradición Occidental», in: *Cristianismo y cultura en Europa*, Madrid, 1992, p. 54-58. (Italian translation : *La vocazione della filosofia e l'unità della Chiesa.*)

16.« Griechischer Geist und orientalische Weisheit. Zwei Prinzipien des Schöpferischen in "Literatur" und "Erzählkunst"», *Lettre internationale*, 52, 1992.

17.« Bakhtin and the Russian Attitude to Laughter », *Critical Studies*, vol.3, 2-vol.4, 1/2, p. 13-19.

18.« The Image of the Virgin Mary in Russian Piety », *Gregorianum*, 151 A, 1994, p. 611-622.

19. «Zum Geleit», in: Gabriel Bunge. *Der Andere Paraklet. Die Ikone der Heiligen Dreifaltigkeit des Malermonchs Andrej Rubjov*, Wurzburg, 1994, s. 7-8.

20.«*Imago Mundi*», Du mythe a la science, in: *Après Galilée. Science et foi: nouveau dialogue*, Paris, 1994, p. 111-122. (Italian translation: *Imago Mundi: dal mito alla scienza // La nuova immagine del mondo: // dialogo tra scienza e fede dopo Galileo*, a cura di P. Cardinale Poupard, [Roma], 1996, p. 37-52).

21.« Il cattolicesimo italiano attraverso gli occhi dei russi », in : *Irussi e l'Italia*, a cura di V. Strada, Milano, 1995, p. 51-56

22.« Zur Auswirkung der russischen sakralen Diglossie », in : *Segen und Unheil, Stimme der Orthodoxie*, 1996, 3, s. 5-7.

23.« Das Neue Testament und die hellenistischen Literaturgattungen », in : *Hellenismus. Beiträge zur Erforschung von Akkulturation und politischer Ordnung in den Staaten des hellenistischen Zeitalters. Akten des Internationalen Hellenismus-Kolloquiums, 9.-14. März 1994 in Berlin*, hrsg. v. B. Funck, Tübingen, 1996, s. 307-318.

24.« *Ut unum sint* : L'Unité face au Prince de ce monde », in : *L'Unité. Prémices*, vol. 14, Fribourg (Suisse), 1996, p. 13-28.

25.« Della Sapienza dobbiamo parlare con sapienza », in : *Sofia: Idea Russa, idea d'Europa*, Consiglio Nazionale delle Ricerche 25-27. 03. 1996 Roma (Is reprinted in the

book : *Sophia. La Sapienza di Dio*, a cura di G. C. Azzaro e P. Azzaro, Roma, 1999, p. IX).

26.« Humorlosigkeit des Zeitgeistes », *Conturen. Das Magazin zur Zeit*, 1997, 1, p.56-60. (Spanish translation: « Que ha hecho el angel del humor? », *Istmo: rivista delpensamiento actual*, N« 228, 1997, p.50-52).

27.« Kafka und die biblische Alternative zum allgemeinen europäischen Typus der narrativen Kultur », in: *Das Phänomen Franz Kafka. Schriftenreihe der Österreichischen Franz Kafka - Gesellschaft 7*, Prague, 1997, s. 1-14.

28.« Reconstruire le langage, reconstruire la pensée? », in : *La Vendée: après la Terreur, la reconstruction. Acte du Colloque tenu à La Roche-sur-Yon les 25, 26 et 27 avril 1996*, Perrin, 1997, p. 561-566.

29.« Einige Bemerkungen zur Eigenart der Aneignung der christlichen Kultur im vorpetrinischen Russland », in : S. F. v. Lilienfeld, *Sophia - Die Weisheit Gottes. Gesammelte Aufsätze 1983-1995, Oikonomia*, 36, Erlangen, 1997, s. 546-553.

30.« Temi cristiani della cultura russa e l'Occidente : alcuni osservazioni », *La sfida della comunione nella diversità. Atti del Convegno internazionale di studio della Fondazione Russia Cristiana*, La Casa di Matriona, 1998, p. 59-67.

31.« L'Icona e il problema della rappresentazione religiosa », in : // *Mondo e il Sovra-Mondo dell'Icona*. A cura di S. Gracciotti, *Civiltà Veneziana*, Saggi 44, Venezia, 1998, p. 1-6.

32.« La Sapienza di Dio ha costruito una casa (Pr 9, 1) per la dimora di Dio stesso tra noi: il concetto di Sofia e il significato dell 'icona », in : *Sophia. La Sapienza di Dio*, a cura di G. C. Azzaro e P. Azzaro, Roma-Milano, 1999, p. 3-7.

33.« Sofiologia e Mariologia: osservazioni preliminari ». *Ibid.*, p. 9-13.

34.«Ricerca di Dio e ritorno alla Chiesa. L'intelligencija sovietica e il problema religioso», in: Kirill di Smolensk, S.S.Averintcev, B.Bobrinskoy, *La notte della chiesa russa. Atti del VII Convegno ecumenico internazionale di spiritualità russa: La chiesa ortodossa russa dal 1943 ai nostri giorni*, Bose, 15-18 settembre 1999, a cura di A.Mainardi, ed. Qiqajon, Bose, 2000, p. 175-190.

Selected bibliography of Sergey Averintsev arranged by Konstanin Sigov.

litera@ukrna.kiev.ua